

шолтфа

И.Б. Чубайс

КАКАЯ РОССИЯ НАМ НУЖНА ИЛИ КАК ЗАКОНЧИТЬ СПОР О РУССКОЙ ИДЕЕ?¹

¹ Изложенная здесь концепция более полно представлена в монографии И.Б. Чубайса. *Разгаданная Россия. Что же будет с Родиной и с нами. Опыт философской публицистики.* (1-е и 2-е издания). – М., 2005.

При постановке данной проблемы уместно ответить на вопрос, чем национальная идея не является. Российское общество, отказавшееся пятнадцать лет назад от советско-коммунистического маршрута, до сих пор не определило свою новую стратегию. Не сформирован ответ на вопрос – могут ли вообще быть найдены принимаемые большинством единые правила. Нет консенсуса и в трактовке цели, предлагаемой чаще других и называемой «русская идея». Одно из препятствий на этом пути – неизбежное несовпадение обыденного и научного мышления. Поэтому свои рассуждения начнем с развенчания некоторых устоявшихся мифологем.

Многие считают, что *национальная идея* – это идея русских (а остальным становится обидно!), хотя подчеркнутый термин используется в данном словосочетании в том же смысле, что и в понятиях «национальная безопасность», «национальный проект» или «национальная сборная». Речь идет, конечно, об *общенациональной, общероссийской* идее.

Часть людей, рассуждающих о национальной идее, убеждена, что ее можно выдумать (отсюда не раз проводившиеся в СМИ конкурсы на лучшую идею). Организаторы таких интеллектуальных состязаний не догадываются, что национальная идея существует почти также объективно, как законы физики. И если Ньютон не выдумал, а выявил закон всемирного тяготения, то и российскую национальную идею надо выявить объективными, научными методами.

Позже мы вернемся к затронутым вопросам, но прежде ответим тем участникам дискуссии, а их немало, кто убежден, что национальная идея – это вообще пустое, никому не нужное умствование, бессмысленное переливание из пустого в порожнее.

**Проблема
национальной
идеи
на обыденном
уровне**

Рассмотрим ситуацию кризиса национальной идеи, ибо значение того или иного феномена полнее всего осознается в момент, когда он прекращает функционировать. Как говорят экзистенциалисты, смысл жизни человек осознает на грани ее утраты.

Многие граждане нынешней России хорошо помнят времена СССР. Если бы мы мысленно перенеслись в те годы и стали каждого встречного озадачивать вопросом «В чем цель вашей жизни?», – ответ бы был одинаковым – «Наша цель – коммунизм». Так считали все со-

ветские люди. В конце 50-х, после XX съезда, на экраны вышел фильм «Коммунист» – рассказ о том, как все начиналось. Фильм смотрелся на одном дыхании, его воспринимали как документ. Когда картину показывали в кубинской столице, во время сеанса в зале раздалась автоматная очередь. Позднее стрелок признался, что хотел помочь главному герою, на которого напали белые...

Однако с годами вера в коммунизм медленно, но неизменно угасала. В разгар Перестройки на пике популярности оказалась картина «Маленькая Вера», название которой относилось не только к главной героине, но и к состоянию позднесоветского общественного сознания. В один из моментов фильма главный герой спрашивает Веру: «В чем твоя цель», и она с беспредельной, разделяемой аудиторией иронией отвечает: «Наша цель – коммунизм». К этому времени советские идеалы воспринимались обществом как совершенно фальшивые, и когда в 91-м августовский путч провалился, страна с восторгом выдохнула – мы свободны!! Устаревшие лживые идеи и ценности мы отвергли!

Между тем, состояние эйфории сохранялось недолго. Спустя год – полтора после отказа от отживших догм общественное мнение осознало появление новой проблемы. От неприемлемых ценностей мы отказались, но никаких новых, разумных, естественных правил не провозгласили. Возникший вакуум идей описывало вошедшее в повседневный лексикон из лагерного словаря понятие *беспредел*. Люди могли работать и месяцами не получать зарплату, героями телепрограмм стали не труженики, а киллеры и олигархи, не любящие матери, а интердевочки, непечатные слова превратились в печатные, регулярно произносимые со сцены. Миллионы граждан стали считаться негражданами, появились беженцы. Но и тот, кто никуда не уезжал, тоже стал беженцем, ибо рухнул сам дом, само государство, в котором мы раньше жили.

С детских лет все помнят строчки, как «Кроха сын к отцу пришел, и спросила кроха, что такое хорошо, и что такое плохо?». Усвоение общественных правил начинается с самого детства, но что делать взрослым и тем более детям, если понятия «грех», «вина», «несправедливость» исчезли из употребления. В ситуации разрушения правил обычно возникает два взаимосвязанных и, на первый взгляд, взаимоисключающих процесса. Жизнь без правил обесмысливает любые действия и достижения, она лишает смысла и саму жизнь. Неудивительно, что наша страна стала лидером по числу суицидов. Иную реакцию демонстрирует другая часть молодых людей. Те, кого никогда не знакомили ни с образами героев, ни с положительными примерами, превращают в образец самих себя и ненавидят тех, которые имеют другой цвет кожи или иную форму глаз. В России появились скинхеды. Понятно, что для избавления от этих социальных болезней необходимо не столько увеличение милицейских постов, сколько выявление и утверждение в обществе нормальных, позитивных норм и ценностей.

Проблема отсутствия идей и их поиск являются глубинной причиной идущей в обществе гражданской дискуссии. Когда в наших СМИ

спорили – вводить в школе «Основы православной культуры» или нет, какой наш праздник – 4 или 7 ноября, сносить памятник Дзержинскому или восстанавливать, речь на самом деле шла совсем о других вещах. Мы не разобрались с самими собой, мы не поняли какая у нас Родина, и на вопрос «Какую Родину защищать?» ответ оказывается весьма затруднительным.

Итак, будем считать, что расхожему тезису «русская идея – это пустое умствование» мы противопоставили ряд аргументов. Перейдем теперь от обыденного к научному уровню рассмотрения.

**Национальная
идея и ее кризис:
философский
анализ**

Прежде всего определим, **когда** же этот кризис возник. Некоторые думают, что отправной точкой стал прозвучавший десятилетие назад призыв Б. Ельцина найти национальную идею. Другие считают, что проблема возникла несколько раньше, вместе с распадом СССР...

На самом деле утрата традиционной системы координат была впервые замечена в 60-е годы XIX века. Именно тогда наш провидец Ф.М. Достоевский ввел понятие «русская идея» (характерно, что этот термин появился через год, после отмены крепостного права – освобождение от старых норм привело к поиску новых). Позднее доклад с таким же названием сделал наш великий философ В.Соловьев, а в начале XX века писать о русской идее стали почти все отечественные мыслители.

Уже в 1946 году изгнанный большевиками из страны Н.Бердяев опубликовал свой итоговый труд все с тем же названием «Русская идея». И вот спустя десятилетия, вместе с распадом СССР этот полузабытый термин вновь вернулся в нашу лексику. Все это является достаточно объективным индикатором возникновения проблемы, и ее нерешенности.

Ответив на вопрос «**когда**», перейдем к поиску ответа на вопрос «**почему**»? Определим, в чем, собственно, проблема состоит? Конец XIX века был временем кризиса православия, как, впрочем, и всего христианства. На западе Европы Ф.Ницше приветствовал гибель богов и предсказывал появление свободных от морали людей – *белокурых бестий*, которые действительно вскоре появились у него на родине. В России Достоевский с горечью предрекал: если Бога нет, то все дозволено! Наша цивилизация традиционно выстраивалась на религиозной идее, Бог был мерой всех вещей и отношений. *Мораль* соблюдали, прежде всего, потому, что в Библии сказано – чти отца, чти мать..., *правовые нормы* поддерживали потому, что в Священном писании говорится – не убий, не укради, не лжесвидетельствуй... *Власть* никогда не держалась в России на штыках, а выборность практиковалась лишь в отдельных секторах общественной жизни, но император был высшим лицом, ибо признавался помазанником Божьим. Появление атеизма закладывало мину под историческую Россию. Для неверующего человека император был никем, вместе с атеизмом пришел нигилизм, терроризм, бомбизм...

Китайский иероглиф «кризис» обозначает одновременно и «новый шанс». Российское общество активно реагировало на возникшие проблемы. С конца XIX столетия начинается период, получивший название «серебряного века» русской поэзии. Точнее было бы говорить о бриллиантовом веке русского духа, ибо взлет в литературе, живописи, театре, музыке, архитектуре можно сравнить, пожалуй, лишь с достижениями Древней Эллады. В основе этого неизвестного прежде и не повторявшегося позднее *творческого порыва* – **поиск новых идей и ценностей**.

Социальная реакция также не заставила себя долго ждать, она проявилась в неведомых в предшествующее тысячелетие трех революциях кряду. Не могли не ответить на происходящее и *политические силы*, и их лидеры. Наряду с извечными в подобной ситуации **консерваторами** (близок к ним был и сам император), считавшими, что правила надо не менять, а укреплять, появилось два других лагеря. **Реформаторы**, лидером которых был Петр Аркадьевич Столыпин, создавали, что прежние нормы зашатались, и потому их необходимо вписывать в новую реальность. Обращаясь к своим оппонентам – **нигилистам-революционерам**, он бросил оставшуюся на столетие фразу: «Вам нужны великие потрясение, а нам нужна великая Россия! Дайте мне 20 лет без войн и революций – и я преобразую страну!»

Третий лагерь преобразователей составляли малочисленные, но громко о себе заявлявшие боевики-революционеры. Рецепт выхода из кризиса, спрятанный за лозунги «земля – крестьянам», «фабрики – рабочим» был прост: вместо реформ – **до основания, а затем...** В силу ряда обстоятельств, среди которых противоречия между *реформаторами* и *консерваторами*, а также огромные финансовые средства, полученные *революционерами* из-за рубежа, линия большевиков и эсеров победила линию Столыпина. И хотя спустя полгода после бескровного Октябрьского переворота в стране вспыхнула тяжелейшая, дотоле неизвестная в России Гражданская война, унесшая не менее 15 миллионов жизней, навязанный **красным террором** революционный ответ на российский идейный кризис на время утвердился. Почти семьдесят лет Россия называлась СССР, три поколения россиян были обязаны заменять свою историю и философию коммунистической идеологией и зазубривать мифы про смену формаций, про развитой социализм и его полную и окончательную победу. Но стоило горбачевской Перестройке начать разжимать цензурно-идеологические клещи, как государство стало стремительно распадаться. Вместе с коммунистической идеологией улетучился не только СССР, но и мировое коммунистическое движение, мировой социалистический лагерь и сама КПСС. Мы попали во *вторую полосу российского идейного кризиса*. Советский вариант коммунистической идеи не смог долго занимать место русской идеи. Общество вновь погрузилось в состояние ценностного вакуума.

Существует ли выход из сложившейся ситуации? Да, существует, причем, рассуждая формально, имеется четыре разных решения.

1. Новая Россия может попытаться стать новым, уменьшенным и исправленным изданием СССР. Есть такая партия, и у нее есть избиратели. Почему красный маршрут неприемлем, можно говорить долго. Вкратце суть состоит в следующем. Нельзя не признать, что коммунистическая идея является одной из самых светлых идей в истории человечества. *Принцип социальной справедливости* будет привлекательным до тех пор, пока сохраняется сам социум. Но применительно к Советскому Союзу социализм не состоялся. Суть новой формации по Марксу – отсутствие эксплуатации. Речь идет об обществе, в котором никто не присваивает продукты чужого труда, где каждому – по его труду. Между тем, в СССР уровень эксплуатации был гораздо выше, чем в странах Запада. Существовал и класс, осуществлявший тайное присвоение чужого. Л.Троцкий, М.Джилас, М.Восленский называли его по-разному, в последнее время закрепилось понятие *номенклатура*. Из сказанного следует, что СССР был государством, построенным на вселенской мистификации, поэтому возврат к нему недопустим.

2. Новая Россия объявляет всю свою историю – и советскую, и досоветскую – ошибочной. В качестве образца принимается Запад, ставится цель с ним сблизиться. К такому проекту близки СПС и «Яблоко», но и здесь мы имеем дело с неудачным решением. Трудно представить, что во всей России найдется тысяча человек, желающих поменять свой пол, но почему же идентичность должно менять целое государство? И стоит ли всерьез ориентироваться на систему, которая сама себя называет «обществом потребления», чьими символами являются денежный знак и либеральная релятивизация всех ценностей – семьи, Родины, природы, Бога?

3. Суть третьего, единственно приемлемого, по мнению автора, хотя и непростого решения будет ясна после некоторых предварительных замечаниях.

Если есть страны, разделенные в пространстве, такие как Корея или Кипр, то наше государство *разделено во времени*: до 1917 года существовала историческая Россия, после – СССР. Мысль об историческом разрыве является принципиально новой, поэтому одним она представляется совершенно очевидной, другим – абсолютно неверной. Попробую раскрыть смысл вводимого тезиса. Становление большевизма привело к **разрыву государственного устройства**, были изменены символы прежнего государства – флаг, гимн, герб, столица и сами принципы его построения, произошел переход от думской (конституционной) монархии к «республике рабочих и крестьян». Прежние энциклопедии справедливо называли Ленина не только создателем нового учения и партии нового типа, но и создателем советского государства, что предполагало разрушение государства российского. Об этом же писал сам лидер большевиков: «...все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве»².

Разрыв произошел **на правовом уровне**: в декабре 1917 года Председатель Совнаркома издал декрет, отменяющий и запрещающий ис-

² Ленин В.И. Государство и революция // ПСС. Т. 33. – С. 28.

пользование всего, формировавшегося тысячу лет корпуса российских законов. Суд присяжных сменил суд пролетарский. Продолжением правового разрыва стал **разрыв моральный**. Нравственным объявлялось то, что *способствовало победе мировой революции*, а не какие-то библейские – *чти отца, чти мать...* Героем советского пантеона стал Павлик Морозов, предавший собственного отца.

Разрыв продолжался **на уровне социальной структуры**. Был расстрелян не только император и его семья, прекратили существовать юридически, а отчасти и физически, дворянство, купечество, духовенство, царское офицерство, интеллигенция, казачество, кулачество... Кто был никем, стал всем, и наоборот. Все перечисленное оказалось следствием самой глубокой трансформации – идейного разрыва. Вместо *русской идеи* в государстве диктатуры пролетариата под видом *коммунистической идеи* утверждалась *коммунистическая идеология*. Однако, отрицая десятивековой исторический опыт, Советский Союз недолго смог позиционировать себя в качестве великой державы.

Из сказанного вытекает, что разрыв следует преодолеть. *Преемство* с исторической Россией и есть путь выхода из кризиса. Говоря точнее, нам следует, несмотря на семидесятилетний перерыв, продолжить, насколько это возможно, начатую Витте и Столыпиным линию реформ, разумеется, *модернизовав, вписав и адаптировав ее в современность*. Отдельный большой вопрос – что ушло навсегда, а что не устарело и может быть использовано. Но это вопрос второй, а не первый.

Мы подняли *железный занавес*, отделивший Россию от внешнего мира, но мы не вполне осознали, что после 1917 года был вбит красный клин, отделивший нас от собственных корней. И клин этот до сих пор не полностью извлечен.

Характеризуя идею *преемства*, поясню, что восстановление исторического времени, конечно же, не означает изоляционизма, оно невозможно без учета изменений, произошедших за 70 советских лет внутри страны и за ее пределами. Поэтому речь идет не о возвращении назад, а о стремлении восстановить российскую основу и идентичность, на которые должно прививать позитивное из советского и зарубежного опыта. Поясню эту мысль несложной аналогией. Если человек заблудился, правильнее всего не идти вперед, а остановиться и мысленно вернуться в точку начала блуждания, в место потери ориентира. Оттуда надо мысленно проложить путь к цели, учитывая, где заблудившийся реально находится в данный момент. Тогда, собственно, и станет ясно, что же означает «вперед». Нечто подобное предстоит сделать и всей нашей стране.

4. Четвертый вариант – непрерывное конъюнктурное перемишивание трех уже названных маршрутов, притом, что ни один из них не становится определяющим. Такой подход возможен как сугубо тактический и невозможен как стратегия. Он утверждает *всеразрешенность* и ведет к разрушению всяких правил. Жить постоянно по принципу «добро пожаловать немецко-фашистским оккупантам» невозможно.

Мы подошли к определению главных терминов. Описывая интересующую нас проблему, мы использовали три ключевых понятия – *русская идея, российская идентичность* и *коммунистическая идеология*, которые необходимо дефинировать и пояснить.

Национальная идея – это существующие объективно, сохраняемые многими поколениями и характерные для данного народа глубинные правила и традиции, которые отличают его от других народов и порождают иные его особенности и характеристики. Опора на национальную идею позволяет выстраивать надежную стратегию общественного развития.

Концептом «*русская идея*», как уже писалось выше, мы обязаны Ф.М.Достоевскому. В других странах в аналогичной ситуации используют понятие «*идентичность*». Американский социальный мыслитель С.Хантингтон отмечает, что последние два десятилетия более тридцати государств ведут дискуссию о своей идентичности. Как же соотносятся *идея* и *идентичность*? Если национальную идею сравнить с замыслом, эскизом, проектом некоего здания, то идентичность – это само сооружаемое здание. В нашем дискурсе идентичность – это видимые характеристики и особенности того или иного народа. Если *идея* – понятие генетическое – *из чего произрастает*, то идентичность – понятие синхронное, *то, что выросло, что есть сейчас*. К этому же ряду категорий примыкает термин *коммунистическая идеология*. Так называют те тоталитарные рамки, тот непрозрачно-искажающий фильтр, через который разрешено рассматривать любой социум, его прошлое, настоящее и будущее. Коммунистическая идеология – это то, что разрешено видеть, причем вместе с самой машиной искажения. В рамках тоталитарной идеологии факт наличия искажающего фильтра не признается, напротив, навязываемая картина объявляется *единственно верной и научно обоснованной*.

**Преимство
с исторической
Россией,
идентифика-
ционный аспект**

Когда заходит речь о связи с исторической Россией, многие выражают недоумение – куда ж вас несет, говорят они, зачем же возвращаться в лапотную, невежественную, безграмотную, рабскую, одним словом в «царскую» Россию?

На этом вопросе необходимо остановиться, учитывая, что образ дооктябрьской России в советское время сознательно и постоянно искажался. Отчасти потому, что российское государство, в отличие от советского, было одним из самых успешных в истории. Начатое в XIV веке собирание земель завершилось через пять столетий объединением самых больших в мире территорий (после Британской империи). Рост количественный сменил рост качественный, и более четверти века, до 1916 года у нас сохранялись самые высокие в мире темпы хозяйственного развития. Первое экономическое чудо началось не в послевоенной Германии и Японии, а в России! Ложью являются рассуждения «о нашем извечном пьянстве», в 1913 году страна была на 70 месте в мире по потреблению спиртного – 4,7 литра на человека (в конце советского

периода – около 10,0 литра на человека!). Чиновников в 1870–1916 годах было примерно в три раза меньше (на 1000 жителей), чем в Австро-Венгрии, Пруссии или Италии. За время правления последнего императора население увеличилось в полтора раза и превысило 180 миллионов человек. Японские фабриканты ставили на своих товарах поддельное клеймо «Сделано в России», про «дураки и дороги» никто ничего не слышал. Гоголь этого никогда не писал! Была построена самая протяженная в мире магистраль – Транссиб, свою страну мы называли «Святая Русь»...

Я не утверждаю, что наши предки жили в каком-то исключительном государстве, но то, что оно было весьма успешным и могло в 20–30-е годы выйти по основным показателям на первое место в мире, не вызывает сомнений. Однако не получилось, нас сбили на взлете, на эпохальном историческом подъеме. Отход от Бога и начавшиеся реформы завершились катастрофой революционного разрыва, сменой идеи и последующим распадом советского государства. Тем важнее сегодня понять, где же наши корни и истоки, какие правила и ценности следует пытаться возродить, какую символику, топонимику, традиции продолжить.

**Преемство
с исторической
Россией,
идейный аспект**

От преемства на уровне идентичности перейдем к рассмотрению преемства на уровне идей. Что, собственно, представляла собой русская идея, какие ценности в нее входили? Чтобы получить ответ на этот вопрос, автор провел четыре взаимодополняющих исследования – философски проанализировал всю историю страны с VIII до XXI века; применил метод контент-анализа к 1100 пословицам из сборника В.И.Даля (рассмотрел семь основных рубрик); использовал для изучения русской поэзии анализ семантического поля, исследовал все стихотворения, написанные в XIX веке, в названии которых есть слова «Русь», «Родина», «Отечество»; наконец, проанализировал все высказывания отечественных мыслителей о русской идее (эти суждения собраны в отдельной книге). Уже третье исследование повторяло результаты, полученные в двух предыдущих, поэтому количество проведенных исследований можно считать достаточным, а общий итог – достоверным. Итак, **русская идея т.е. глубинные основы, характеризующие нас и отличающие Россию от других сообществ и стран – это православие, собирание земель и общинный коллективизм.** Эти ценности характеризуют наше общество в трех измерениях – с точки зрения его духовных устремлений, его общенациональной стратегии и его ментальности.

Все три начала одновременно, на рубеже XIX–XX веков, попали в полосу неустойчивого равновесия. О вере и собирании земель уже писалось выше. Что же до общинного коллективизма, то и он стал тормозом на пути аграрного развития. Поэтому П.А.Столыпин начал планомерное реформирование общины, ее расселение на семейные хутора. Начался переход к фермерскому хозяйству.

Всмагиваясь в неблизкое, хотя и не особо отдаленное прошлое, возникает вопрос – а можно ли сегодня продолжить и адаптировать к современности русскую идею? Принципиальный ответ автор сформулировал раньше. Как это сделать? Прежде всего необходимо преодолеть произошедший в XX веке разрыв. Важнейшее начало, восстанавливающее нашу целостность и идентичность – история и *историзм*. Необходимо по-новому, патриотически перечитать историю страны. Через этот фильтр необходимо выстраивать информационную, образовательную, культурную, демографическую, рекламную, и всякую иную социальную политику.

Собирание земель, начатое Калитой, как уже отмечалось, было великой и весьма успешной стратегией. А вот попытка в XX веке создать «мировой социалистический лагерь» вычерпала из России огромные людские и материальные ресурсы и закончилась ничем. У нас нет иного выхода, кроме как перейти к *обустройству*, «к *сбережению народа*», т. е. к интенсивному, качественному росту. Главные статьи госбюджета должны быть постепенно переориентированы на здравоохранение, образование, новые технологии и коммуникации. Необходимо, конечно, поддержание армии и флота, но задача последних – не присоединения, а обеспечение целостности и безопасности страны. Необходима сопоставимая с крестьянской реформой «революция управления», которая освободит нас от бюрократического ига, обязав чиновничество служить обществу (а не наоборот). Возможный механизм подобного преобразования – переход к сильной двухпартийной системе. И еще одно добавление. В период территориального роста и экспансии демократия не бывает востребованной. (Когда американские поселенцы шли на запад и истребляли индейцев, они не проводили у них выборы и референдумы.). Переход к обустройству делает необходимым переход к *демократическим нормам*. При этом демократия понимается как важная, но не *абсолютная ценность*, реализация демократических норм не должна вести к разрушению нравственности.

Остается, наконец, определить каково место православия в современной России. Вопрос о вере – личный, каждый человек решает его самостоятельно. Между тем культурологический анализ показывает, что сформировавшее наше государство православие утверждает прежде всего *приоритет духовности и нравственности*. Понимая нравственность расширительно, как регулятор отношений не только между людьми, но и между человеком и природой, мы обретаем начало, работающую на снятие существующих в мире диспропорций.

Итак, мы можем теперь заключить, что нравственность, историзм, обустройство и демократия являются, в самом кратком выражении, сутью возрожденной и реформированной русской идеи или возрожденной общероссийской идеей. Ориентация на эти ценности и есть путь преодоления нашего идейно-идентификационного кризиса, путь создания надежной российской системы координат.